

Пацора Ирина Викторовна

К ВОПРОСУ ОБ ИЗУЧЕНИИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО НАРРАТИВА КАК КОММУНИКАТИВНОГО ЯВЛЕНИЯ В КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНОМ АСПЕКТЕ

В настоящей статье предпринимается попытка провести аналитический обзор исследований нарратива с позиций когнитивно-дискурсивного подхода, преобладающего в работах большинства исследователей художественного текста. Когнитивный поворот в лингвистике текста влечет за собой создание различных теоретико-методологических подходов к изучению структурной организации, прагматики и семантики художественного нарратива. Благодаря этому удается идентифицировать данный вид речевой деятельности как коммуникативный феномен, включающий такие взаимодействующие текстообразующие категории как "автор", "текст" / "персонаж" и "читатель". Художественный нарратив - это коммуникативное событие, параметры которого детерминируются не только данными категориями, но и целым комплексом экстралингвистических факторов.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2014/10-3/36.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 10 (40): в 3-х ч. Ч. III. С. 152-155. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2014/10-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 808

Филологические науки

В настоящей статье предпринимается попытка провести аналитический обзор исследований нарратива с позиций когнитивно-дискурсивного подхода, преобладающего в работах большинства исследователей художественного текста. Когнитивный поворот в лингвистике текста влечет за собой создание различных теоретико-методологических подходов к изучению структурной организации, прагматики и семантики художественного нарратива. Благодаря этому удается идентифицировать данный вид речевой деятельности как коммуникативный феномен, включающий такие взаимодействующие текстообразующие категории как «автор», «текст» / «персонаж» и «читатель». Художественный нарратив – это коммуникативное событие, параметры которого детерминируются не только данными категориями, но и целым комплексом экстралингвистических факторов.

Ключевые слова и фразы: художественный нарратив; коммуникативное событие; диалогичность; антропоцентричность; автор; читатель; персонаж; триадическая / диадическая модель коммуникативного взаимодействия.

Пацора Ирина Викторовна, к. пед. н.

*Пятигорский государственный лингвистический университет
kate.251093@mail.ru*

К ВОПРОСУ ОБ ИЗУЧЕНИИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО НАРРАТИВА КАК КОММУНИКАТИВНОГО ЯВЛЕНИЯ В КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНОМ АСПЕКТЕ©

Антропоцентрический подход, появление которого продиктовано стремлением современной лингвистики отойти от атомарности и изучить языковые структуры различного уровня сложности с учетом экстралингвистических факторов, детерминирующих их семантику и прагматику, представляет собой масштабный исследовательский проект. Создание данного проекта способствует разработке целого комплекса когнитивно обусловленных методик (или когнитивно-дискурсивной парадигмы), которые могут успешно применяться в ходе анализа языковых единиц, в том числе и высшего уровня, а именно – различных нарративных практик, составляющих актуальные дискурсы современности (литературно-художественный, публицистический, политический и т.п.).

Когнитивно-дискурсивный подход к анализу нарратива сформировался после того, как лингвистами были признаны такие ключевые характеристики текста, как антропоцентричность и диалогичность. Коммуникация и диалог были объявлены необходимыми условиями отражения в тексте авторской мысли. Без «другого – носителя индивидуального, группового или общественного сознания – становилась невозможной проблематизация отношения к миру и “Я” как его части» [10, с. 201]. Таким образом, если говорить о современных подходах к исследованию различных текстов, в том числе и художественных, то необходимо отметить, что в данном информационном пространстве установки когнитивизма, синтезируемые когнитивно-дискурсивной парадигмой, корректируются с учётом исходных положений парадигмы коммуникативной [6, с. 16].

Изучение коррелирующих понятий «автор» и «читатель» как глобальных текстовых категорий и ведущих антропоцентров художественного текста проводится большинством современных нарратологов и текстологов с учетом их характеристик как реальных когнитивных субъектов и ментальных аналогов, т.е. моделируемых, гипотетических сущностей. Изучение понятия «персонаж» как категории текста и антропоцентра текста также дополняется анализом персонажа как вымышленного когнитивного субъекта (квасисубъекта) и продукта когнитивной деятельности реальных соавторов (автора и читателя) [1; 2; 4; 9-12].

Так, О. С. Федотова, размышляя о художественном нарративе как коммуникативном явлении, отмечает, что взаимодействие автора, персонажа и читателя, включенных в коммуникативное пространство художественного текста на уровнях его порождения, композиционной организации и интерпретации, приобретает самые разнообразные формы. По мнению О. С. Федотовой, являясь неотъемлемыми составляющими художественной коммуникации автор, читатель и персонаж детерминируют параметры репрезентирующих их когнитивных полей, которые, в свою очередь, определенным образом вербализуются в лингвистическом тексте «при помощи выразительных средств и видов речи, а также с помощью грамматических категорий текста (модальность, категоризация лица и др.)» [9, с. 179]. Как полагает исследователь, «анализ форм взаимодействия в треугольнике “автор – персонаж – читатель” способствует наиболее полному декодированию основной идеи произведения» [Там же].

В свою очередь, А. А. Анисова, рассматривая фактор адресата относительно композиционной и семантической специфики художественного текста, приходит к выводу, что категория адресата является одной из наиболее актуальных текстовых категорий художественного нарратива. Категория адресата видится не только как «средство передачи авторских мыслей и чувств читателю» [2, с. 29], но и как фактор, влияющий на интерпретацию и декодирование художественного текста читателем, которые «диалогичны по природе» – прогнозируя

читательскую реакцию, на определенный литературный продукт, автор получает возможность стимулировать заинтересованность потребителя нарратива, который в дальнейшем находит свое смысловое развитие в формате различных интерпретативных практик [11].

Описание адресованности и диалогичности как категорий текста и материализованной программы интерпретации с позиций когнитивно-дискурсивного подхода является частью описания общих принципов диалогизма: адресат в этом случае воспринимается как неотъемлемый компонент творческого процесса, входящий в смысловую структуру текста и формирующий ее. Понимание всех перечисленных характеристик текста как «взаимодополняющих не будет означать механической суммарности, но раскроет текст как органическую цельность» [10, с. 201].

Таким образом, диалогическое и со-творческое взаимодействие между автором и читателем можно представить либо в виде диадической модели «автор ↔ читатель», либо более полной, триадической модели «автор ↔ текст ↔ читатель», которую Е. А. Гончарова называет «антропоцентрическим треугольником». Данный треугольник схематически показывает субъектно-объектные когнитивные и прагматические отношения между участниками литературной коммуникации (автор – читатель), с одной стороны, и между ними и вымышленными субъектами изображаемого в тексте возможного мира (повествователь, персонаж) – с другой. Соответственно, в основании антропоцентрического треугольника находятся два познающих субъекта, онтологически принадлежащие к объективному миру и превращающие текст как материальную (языковую) реальность в (поэтическое) произведение, – автор и читатель. Так, например, автор является концептуальным носителем сущностного признака текста и языка в целом – антропоцентризма, перерастающего в художественном тексте, для которого человек становится и центральным объектом поэтического познания и изображения, в «абсолютный антропоцентризм» [5]. Таким образом, реализуемая в тексте субъективно-оценочная авторская позиция всегда предполагает взаимодействие двух когнитивных субъектов – творческого (автора) и со-творческого (читателя). Именно с когнитивной активностью читателя связывается завершенность литературной коммуникации.

Оформляя текст композиционно, автор выбирает и комбинирует языковые средства и устанавливает концептуальные параметры для создания вымышленного, фикционального, мира, т.е. реализует свой замысел на всех уровнях текстовой организации. Существует также мнение, что автор, руководствуясь определенными индивидуально- и социально-обусловленными ценностными мотивациями и используя те или иные коммуникативно-творческие стратегии, закладывает в текст конкретную интерпретационную программу, а следующий этим стратегиям читатель реализует её, приобщаясь к авторской системе ценностей, т.е. разделяя авторскую позицию.

Однако о полном совпадении оценочных позиций автора и читателя можно говорить лишь, подразумевая, что автор и читатель представляют собой «эталонных» коммуникантов, вовлеченных в поле создания и интерпретации нарратива. В ходе изучения способов взаимодействия автора и читателя исследователи выделяют более сложные и в большей степени соответствующие действительности модели диалога, возникающие при порождении и восприятии текста, например, «имплицитный автор / читатель», «идеальный читатель», «искусственный читатель» и пр. несут исследователю «субъективную выгоду». Введение данных гипотетических сущностей в коммуникативную модель, основанную на триаде «автор ↔ текст ↔ читатель», позволяет исследователю обобщить свойства реальных участников литературной коммуникации и создать адекватную модель коммуникативной ситуации, возникающей в результате репрезентации и обработки текстовой информации.

В настоящее время установки когнитивной лингвистики определяют такие интерпретационные стратегии, в которых учитываются не только свойства «конкретной речи» и широкая совокупность знаний, но и делается дополнительный акцент на личностных аспектах интерпретатора и субъективном представлении текста в ментальном пространстве индивидуума [7, с. 31-32]. Подобный подход является в полной мере оправданным, так как в реальной действительности совпадение смысловых полей автора и читателя исключается уникальностью их личностей. Своеобразие этического, эстетического, житейского и иного опыта интерпретатора, знание им языковых конвенций и сложность и смысловая «многоуровневость» поэтического языка программируют известную свободу интерпретатора в выборе интерпретативных решений и, как следствие, их множественность [1].

Анализируя структуру художественного нарративного дискурса, большинство исследователей выделяют в ней несколько антропоцентрических систем, среди которых категории автора и читателя оказываются основополагающими, так как порождают, так называемые вторичные системы, укорененные в смысловую ткань литературного произведения. Таким образом, система нарративного дискурса «возникает в процессе синергетического взаимодействия “первичной” (автор – читатель – интерпретатор-критик) и “вторичной” (повествователь – персонаж) антропоцентрических функционально-смысловых систем, в процессе которого так называемый объективный мир (как реальный фон литературной коммуникации) и фикциональный мир литературного произведения обогащают друг друга новыми смыслами, “переливаются” друг в друга» [5, с. 37]. Под синергизмом или синергией понимается взаимодействие нескольких систем, в результате – создается эффект гораздо более значимый, чем если бы эти системы функционировали или применялись по отдельности.

В основе сущности обеих антропоцентрических структур заложены принципы функциональности и динамической подвижности. В результате диалога между автором и читателем-интерпретатором создается определенная динамическая система смыслов художественного произведения, представленная в виде

взаимосвязанных образов и событий. При этом «актуализированные знаковые носители смыслов» (языковые единицы) [Там же, с. 36] в тексте являются «маркерами» ментально-речевой деятельности создающего художественное произведение субъекта (автора), направленной на реализацию единой коммуникативно-творческой стратегии. Стратегия эта рождается из сложной совокупности ментально-речевых операций, назначение которых – преобразовать сугубо практические функции языка в функцию поэтическую, характерную только для художественного произведения [4]. Кроме того, эта стратегия подхватывается и развивается читателем-интерпретатором, что в результате ведет к формированию дополнительных смыслов и образов, созданных на основе исходного текста, но актуализирующихся уже в других текстах и дискурсах. На описанную выше совместную когнитивную деятельность основных участников литературной коммуникации накладывается взаимодействие не менее сложных по своей природе систем текста как «некой словесно-речевой конструкции и языка с его собственными законами и нормами существования и развития» [5, с. 37]. Для интерпретатора-лингвиста именно язык и его составляющие как «инструментальная» основа художественной коммуникации являются той компонентой структуры текста, которая обеспечивает синергизм всех остальных элементов его формы и содержания и чье действие превышает действие, оказываемое каждым из этих элементов в отдельности на смысловое целое литературного произведения.

Таким образом, в пределах акта литературной коммуникации, прецедентом которой является какая-либо разновидность нарратива, основная функция автора как творца «как бы мира» текста [8, с. 260] состоит в реализации его специфической когнитивной и эмотивной структуризации и объективации данных структур в языковой материи. Интерпретация репрезентированного текста может осуществляться коллективным читателем в зависимости от его когнитивной, социальной специфики и целевых установок в бытовом и научно-исследовательском планах. Если говорить о втором ракурсе интерпретации нарратива, то в настоящее время выделяется множество подходов, которые могут реализовываться в идеях герменевтики, рецептивной эстетики, деконструктивизма, так называемой мифологической критики, которая сосредоточена на изучении механизмов глубинной психологии через анализ художественного текста. Также не сдает свои позиции и гендерный подход к анализу различных нарративов, ориентированный на осмысление «мужского и женского начал», определяющих художественно-образную и структурно-прагматическую специфику литературы. Несмотря на широкий диапазон подходов к интерпретации нарратива читателем, все они, в той или иной степени, несут в себе когнитивную составляющую, свидетельствующую об антропоцентричности как самого объекта исследования, так и методологии его исследования.

Подводя итог всему, сказанному выше, следует отметить, что нарратив как процесс диалогического взаимодействия между автором и писателем, обогащенный характеристиками коммуникативных обстоятельств, в которых автор текста и его читатель(и) выступают в качестве «языковых личностей» и антропоцентриков, превращают текст в когнитивно, психологически, социально, культурно значимое «дискурсивное событие». Иначе говоря, нарратив получает дискурсивные черты когнитивного события, поскольку в его содержании отражается определенная «авторская концепция действительности», или система «концептуально-смысловых установок» автора, в основе которых лежат индивидуальные, исторические, общественные и другие знания создателя текста. Одновременно с этим в дискурсивной проекции текст является коммуникативным событием, «погруженным в жизнь» [3, с. 136-137] и автора, и читателя, и общества в целом.

Список литературы

1. Андреева В. А. Текстовые дискурсивные параметры литературного нарратива: автореф. дисс. ... д. филол. н. СПб., 2009. 35 с.
2. Анисова А. А. Фактор адресата как категория художественного текста // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 2 (32): в 2-х ч. Ч. I. С. 27-30.
3. Арутюнова Н. Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Сов. Энциклопедия, 1990. С. 136-137.
4. Гончарова Е. А. Интерпретация литературного текста в синергетической парадигме: традиция и перспективы // Язык и текст в проблемном поле гуманитарных наук. *Studia Linguistica* – XVII. СПб., 2008. С. 227-236.
5. Гончарова Е. А. О синергетическом характере категории «автор» как объекта лингвистической интерпретации // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Калининград, 2012. № 2. С. 30-38.
6. Кубрякова Е. С. Об установках когнитивной науки и актуальных проблемах когнитивной лингвистики // Вопросы когнитивной лингвистики. 2004. № 1. С. 6-18.
7. Кубрякова Е. С., Демьянков В. З., Панкрац Ю. Г., Лузина Л. Г. Краткий словарь когнитивных терминов. М.: Филологический факультет МГУ, 1996. 400 с.
8. Лотман Ю. М. Художественное пространство в прозе Гоголя // В школе поэтического слова: Пушкин. Лермонтов. Гоголь. М.: Просвещение, 1988. С. 251-292.
9. Федотова О. С. Формы взаимодействия в треугольнике «автор – персонаж – читатель» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 5 (35): в 2-х ч. Ч. I. С. 176-179.
10. Щирова И. А. О человекомерности науки и текста // Мехународни часопис Стил. Београд (Республика Србија), 2008. С. 197-211.
11. Emmott C., Sanford A. J., Alexander M. Scenarios, Characters' Roles and Plot Status. Readers' Assumptions and Writers' Manipulations of Assumptions in Narrative Texts // *Characters in Fictional Worlds. Understanding Imaginary Beings in Literature, Film, and Other Media* / ed. by J. Eder, F. Jannidis & R. Schneider. Berlin: de Gruyter, 2010. P. 377-399.
12. Stockwell P. *Cognitive Poetics. An Introduction*. L. – N. Y.: Routledge, 2002. 194 p.

ON THE ISSUE OF STUDYING FICTION NARRATIVE
AS COMMUNICATIVE PHENOMENON IN COGNITIVE-DISCURSIVE ASPECT

Patsora Irina Viktorovna, Ph. D. in Pedagogy
Pyatigorsk State Linguistic University
kate.251093@mail.ru

The article attempts to review analytically narrative researches from the positions of cognitive-discursive approach prevailing in the works of the most researchers of fiction text. Cognitive turn in text linguistics implies the creation of different theoretical-methodological approaches to studying the structural organization, pragmatics and semantics of fiction narrative. It makes possible to identify this kind of speech activity as a communicative phenomenon including such interacting text-forming categories as "author", "text" / "personage" and "reader". Fiction narrative is a communicative event, which parameters are determined not only by these categories, but by the whole complex of extra-linguistic factors.

Key words and phrases: fiction narrative; communicative event; dialogic character; anthropocentricity; author; reader; personage; triadic / diadic model of communicative interaction.

УДК 811.611.1+821

Филологические науки

Эвиденциальность и эпистемическая модальность, вводимые в рамках репортажа интродуктивными предикатами, имеют непосредственное отношение к выражению достоверности отражаемого факта. Эвиденциальность фиксирует источник информации, из которого было получено знание о факте. Эпистемическая модальность отражает оценку факта. Источник информации и оценка, в свою очередь, манифестируют как степень уверенности говорящего субъекта в истинности выражаемой пропозиции, так и степень достоверности этой пропозиции.

Ключевые слова и фразы: текст репортажа; интродуктивные предикаты; эвиденциальность; эпистемическая модальность; факт; источник информации; оценка; достоверность.

Постева Екатерина Васильевна
Южный федеральный университет
katrin-21cent@mail.ru

**ТЕКСТ РЕПОРТАЖА: ИНТРОДУКТИВНЫЕ ПРЕДИКАТЫ
КАК СПОСОБ ВВОДА ЭВИДЕНЦИАЛЬНОСТИ И ЭПИСТЕМИЧЕСКОЙ МОДАЛЬНОСТИ©**

Понятие «достоверности», используемое в данной работе, имеет непосредственное отношение к ответственности автора репортажа за освещаемую информацию как источнику или посреднику этой информации. Достоверность фактов и событий, излагаемых в репортаже, в первую очередь, соотносится с эпистемической (оценочной) квалификацией информации, содержащейся в репортажном высказывании, дает возможность расценивать данное высказывание не просто как механическое изложение фактов и событий. При этом достоверность непосредственно связывается с типом эвиденциального значения, которое оказалось доступным автору репортажа: достоверность как непосредственный результат собственного восприятия события и показатель восприятия этого события другим лицом, участником или сторонним наблюдателем. В связи с этим, задача нашего исследования состоит в том, чтобы определить специфику эпистемической / эвиденциальной репрезентации актуальной ситуации в рамках репортажного текста (т.е. а аспекте актуального источника информации).

Согласно нашим наблюдениям, достоверность социально-политической информации манифестируется в тексте репортажа посредством суждений, вводимых глагольными предикатами говорения и когнитивной деятельности, а также указывающих на точку зрения субъекта речи (далее – интродуктивными предикатами (ИП) – прим. автора – Е. П.). Ср. (перевод английских примеров в рамках данной статьи выполнен автором – Е. П.):

(1) «В разговоре с корреспондентом "РР" уволенный ныне из СК Гривцов **сказал**, что был "простым солдатом" этого ведомства» [3, с. 36];

(2) «Сторонники этой версии **вспоминают**, что ФАС уже проявляла мотивированный интерес к иностранным интернет-компаниям» [6, с. 71];

(3) «For college-bound students, choosing between a laptop or a desktop computer can be a tough decision, **said** Devin Coldewey in NBCNews.com» [12, p. 48]. / «Для студентов, живущих на территории колледжа, выбор между ноутбуком и настольным компьютером может оказаться не таким уж и простым решением, **сказал** Девин Колдевей на NBCNews.com»;

(4) «Managing director Alexandre Petrossian, who is the grandson of one of the company's co-founders **thinks** that the caviar market has completely changed» [16, p. 43]. / «Управляющий директор Александр Петросян, который приходится внуком одного из основателей компании, **думает**, что рынок рыбной икры претерпел существенные изменения».